

Анатолій

Лантєв

АББРЕВИАТУРА

Всё течёт. Всё изменяется.

Гераклит из Эфеса

* * *

Осознание себя частицей этого огромного и непонятного мира дали две несоизмеримые вещи – идущий откуда-то сверху незнакомый терпкий запах и юркий солнечный зайчик. Окрашенный в алый цвет, он вначале ослепил меня, а затем заиграл всеми цветами радуги в «дамских пальчиках» – налитых солнцем кистях винограда, которые я пытался приспособить в подол своего цветастого «сарфана». (Мне было четыре года, и хохлушка Ганна, моя мама, бежавшая от грозных громыханий войны в тихий посёлок на берегу Каспия, где устроилась на работу в детский дом няней, использовала для моего гардероба всё, что можно было там испросить.) Я резко вскинул голову. У-ух! Надо мной живой глыбой нависала фигура улыбающегося незнакомца в выцветшей гимнастёрке с крохотными звёздочками на зелёных пуговках и красной звездой на головном уборе. От неожиданности я опешил, пальцы непроизвольно разжались – и вся собранная мной винная ягода высыпалась на землю. Сильные руки подхватили мое тщедушное тельце и подкинули высоко-высоко. Иссиня-фиолетовое небо с белыми полосками пролетающих чаек, пару раз качнувшись, резко опрокинулось. Я оказался на загравке плечистого дядьки, широкими шагами направляющегося к прибрежным скалам беспокойного моря. Я хотел было громогласно выразить свой протест, но, боковым зрением увидев радостное лицо мамы, решил повременить. Тем более что по всему телу и внутри меня начало разливаться некое необъяснимое чувство блаженства и умиротворения – волны тепла, которые исходили от незнакомца. Так вот в конце августа 45-го состоялась моя первая встреча с отцом...

После этой ярчайшей вспышки в моём ещё неокрепшем сознании возник небольшой временной провал. То, что происходило в последующие полтора года, мое серое вещество не сохранило. И только лишь в пятилетнем возрасте меня вновь заштормило буквально во всех смыслах этого слова. А началось всё с драматического экстрима на море Каспийском. Купаясь, я попал в сильный водоворот, который захватил меня и потянул на дно. Отец бросился спасать своего нерадивого отпрыска и сильно повредил колено, наткнувшись на скрытый под водой обломок скалы.

Далее последовала череда событий, перевернувшая всё вверх тормашками. Вестником их стал для нас потёртый треугольный конверт военного времени с разрешительной пометкой цензуры, заверенной круглой печатью... Впервые после семи лет неизвестности (в военное время почтовая связь с Азербайджаном не работала) пришло письмо от Сергея, младшего родного брата отца. Потом ещё одно, в котором тот настойчиво звал к себе, в далёкий Восточно-Казахстанский город Усть-Каменогорск, красочно описывая невероятные перспективы, ожидающие всех нас на новом месте. Моя мать, Анна Петровна, на это не повелась, но отец... Сработал пресловутый зов крови. И мы, ничтоже сумняшеся, покинув стольный град Баку – главную бензоколонку Советского Союза и место моего рождения, отправились в долгий и многотрудный вояж.

Как сейчас помню тёплый майский вечер 47-го года. Во дворе стоял терпкий запах акаций, замешанный на нежном привкусе мимоз, когда всё наше семейство с немудрёным скарбом в руках, добравшись на перекладных до дебаркадера Бакинской пристани, взшло по шаткому трапу на просмолённую палубу исторического морского парома...

Звучала бравурная музыка, и простуженный голос двуязычного диктора из портового динамика распинался о прелестях будущего круиза, гарантируя пассажирам комфортное плавание в водах седого Каспия. Мы заняли места согласно купленным билетам во чреве этой проржавевшей посуды с гордым названием «26 бакинских комиссаров», даже не подозревая о ждущих нас испытаниях. Неспешно плывущие на закатном небе легкие облака постепенно превратились в мрачные тучи, настроенные явно агрессивно. Отблески молний и отдалённые раскаты грома оповестили о начале представления. Лёгкая рябь в считанные минуты трансформировалась в мощные волны.

Ветер усиливался, сотрясая паром. Мы с трудом выбрались на уходящую из-под ног палубу. Меня начало мутить, выворачивая внутренности наизнанку. Надо отдать должное моим родителям, стойчески переносившим эти пассы разбушевавшегося моря. Они лишь с нарастающим чувством тревоги вглядывались в разъярённую стихию и загибали пальцы, считая накатывающиеся многометровые водяные валы в ожидании того самого, девятого, рокового. Слава богу, обошлось... Воспоминания об этом малоприятном эпизоде из далёкого детства я пытаюсь всячески забыть, но, увы, отдельные детали до сих пор, причём в самое неподходящее время, всплывают с самого доньшка моей памяти.

Преодолев многокилометровую водную преграду Каспия, мы пересели в Краснодарске на поезд дальнего следования, который неспешно пополз мимо песчаных барханов Копет-Дага, цветущих среднеазиатских оазисов и изрыгающих серу трубы юга Казахстана, напрямик в самое сердце Рудного Алтая – Усть-Каменогорск.

Протяжный паровозный гудок и душераздирающий лязг тормозных башмаков поставили жирную точку, точнее восклицательный знак, многодневному нескончаемому и однообразному перестуку колесных пар на рельсовых стыках. Пассажирский состав с вагоном номер одиннадцать, в плацкартном купе которого мы ютились, остановился у одноэтажного приземистого здания, на фронте которого белыми рельефными буквами было начертано: «Станция ЗАЩИТА».

Затем, как в калейдоскопе, замелькали в памяти обрывки лубочных картинок из бьющей ключом жизни Стройплощадки. Так именовалась тогдашняя окраина

Усть-Каменогорска, – место нашего нового пристанища в каморке двухэтажного деревянного барака. Помню раскосых, в военных ватниках, малогабаритных человечков – пленённых самураев, споро снующих туда-сюда по изрытому котловану – фундаменту будущих цехов флагмана цветной металлургии страны. Наиболее шустрые представители уличного «дворянства» вступали с «япошками» в контакт и на бартерной основе производили сложные торговые операции. Особенно ценились металлические пуговицы и перья для деревянных ученических ручек – обменная «валюта» в играх гаврошей с рабочими окраин. Верхом же удачи для пройдошистых менял считалась инкрустированная губная гармошка забугорного производства. Совершенно не помню, как и чем мы питались в те послевоенные голодные годы. Всё регламентировалось продовольственными карточками. В магазинах – шаром покати. Но вот парадокс! Полки продуктовых лавок были завалены баночками с красной икрой и крабами, которые, судя по их затрапезному виду, годами прозябали там невостребованными. Как говорят в подобных случаях, не до жиру, быть бы живу. Хотя тогда этот деликатес из даров моря стоил сущие копейки. Главным же лакомством, которым баловали меня родители, были отходы местного маслозавода – жмых да его белая разновидность – макуха. И ещё одно кулинарное воспоминание из той поры – остатки молока, которым Нюра, наша щедрая соседка, делилась после кормления грудью своего малыша. Вкуснятина, скажу вам! Теперь мне понятно пристрастие председателя Мао к этому продукту, который «красному солнышку» поставляла целая армия китайянок.

Моя мама долго терпела «прелести» барачного быта. Но силы иссякли, и она объявила отцу ультиматум: либо мы возвращаемся на исходные позиции, в благословенный город Баку, либо... Павел Давыдович шантажа не переносил на дух, и случилось то, что случилось. Собрав в выдавший виды фанерный чемодан немудрёный скарб и прихватив меня, Анна Петровна смело ринулась в зовущую неизвестность. Увы, надолго её не хватило. Любовь, скажу вам, штука непреодолимая. Буквально через месяц-другой мы отправились в обратный путь. Из всей той дорожной эпопеи в памяти сохранились лишь виды Ашхабада, древнего города, превращенного в руины чудовищным землетрясением 1948 года.

Наконец-то свершилось! Постепенно стали приобретать реальные очертания те самые, обещанные дядей Серёжей, кисельные берега и молочные реки, которые он неоднократно и в красках сулил нашему семейству сразу же по прибытии в устье каменных гор, на крутые брега седого Иртыша. Увы, скоро лишь сказки сказываются.

Покинув жилище барачного типа и растущую не по дням, а по часам Стройплощадку, ставшую уже родной, мы приводнились в Новой Гавани, в уютно расположившемся на берегу Ульбы финском домике, заработанном моими родителями ударным трудом, где мы и зажили безбедной и комфортной жизнью.

Новоселье справляли по-деловому. Мама копошилась на десяти сотках, готовя грядки к посевной кампании, а мы с отцом рыли по периметру коттеджа ямки под саженцы тополя. Раздолье вокруг неопишное, настоящий праздник души. В прибрежной болотине давало праздничный концерт лягушачье племя. Рядом, на развесистой плакучей иве, выводили сложнейшие рулады, изобилующие музыкальными коленцами, наиболее продвинутые представители летучей жив-

ности. Поодаль, в унисон с ними, мелодично журчала на перекатах река Ульба, ведя свою сольную партию. Лепота! Делай, что хочешь и как хочешь.

В первую очередь я попросил родителей выписать мне журнал «Юный техник» с приложением и прикупить инструмент, чтобы оборудовать собственную мастерскую. Затем приступил к освоению близлежащего пространства: из подручных материалов соорудил перекладину и установил щит с баскетбольной корзиной затем разметил площадку для городков, сколотил стол для пинг-понга.

Больше всего мне пришлось повозиться с голубятней для почтовых сизарей. Потом, чтобы внести какую-то свою лепту в семейный бюджет, освоил рыбный промысел. Для этого прошёл мастер-класс по плетению корзин у одного маэстро из местных староверов. Благо зарослей ивняка по берегам было более чем достаточно. Помимо мордушек и верш – довольно хитроумной снасти для успешной ловли не только безалаберных чебаков и краснопёрок с подъясками, но и упитанных, полновесных язёй, а если повезёт, то и зубастых щук, я всюю использовал и другие рыбацкие причиндалы, типа закидушек и бредней. Главное, на что я более всего уповал в этом непредсказуемом промысле, была, конечно же, госпожа удача. Особенно мне нравилось во время половодья «ловить рыбку в мутной воде» с помощью здоровенного сачка. А бывали годы, когда мощный весенний паводок подтапливал нашу «виллу» и через открытые настежь двери пронирливая пескарня заплывала прямо в наши апартаменты.

На всю жизнь в памяти остался один трагический эпизод, связанный с наводнением. В Новой Гавани между материком и островом, любимым местом отдыха жителей посёлка, существовала плохонькая паромная переправа. Так случилось, что в тот роковой день на её хлюпкой палубе оказался и я. Метрах в ста от берега мощная паводковая волна захлестнула утлое судёнышко, и оно стало тонуть. Благодаренье Богу, что отец ещё на Каспии научил меня плавать (пардон, по-собачьи), и я сумел в такой, на грани фола, экстремальной ситуации – ледяная вода, сильное течение, водовороты, тянущие на дно – спастись и доплыть до берега. Выбрался я из воды прямо напротив своего дома. К моей большой печали, не все пассажиры оказались столь удачливыми. Это, как я ныне полагаю, было для меня своего рода очередным звоночком свыше...

Углубляться в познание мира я начал ещё в дошкольном возрасте, и большую помощь в этом мне оказали книги. Одна незадача – денег на приобретение их не было. И я, чтобы не быть большой обузой для семьи, приспособился зарабатывать, разводя ценные породы голубей и продавая их...

Помимо голубиного бизнеса, я нащупал ещё одну статью доходов, как оказалось впоследствии, кармическую. Освоив фотодело с помощью широкоплёночной камеры «Любитель» (советская модификация цейсовского «Роллекса»), подаренной родителями ко дню моего рождения, и руководства по светописи, я бросился снимать всё и вся, осваивая этот довольно денежный и пока еще мало кем занятый рынок, практически став в нём первопроходцем. Фото в диафрагму ближайшей родни, их отпрысков, их знакомых, знакомых других знакомых, а позднее и фотосессии соседского «бомонда» с применением всего многообразия лично наработанных художественных приёмов стали приносить мне неплохие дивиденды.

Приснопамятная рабочая окраина Усть-Каменогорска, с претенциозным названием Новая Гавань, данным остроумцами из чиновничьего ведомства, в те годы была замечательнейшим местом для любителей острых ощущений. Чем-то сродни санитарного кордона, выполняющего, без какой-либо натяжки, роль своего рода отстойника для деклассированных элементов. Состоял этот разномастный контингент из незначительной доли «аборигенов» (чалдонов и кержаков) и, далее по ранжиру, заезжих флибустьеров и вербованной публики. Костяком же данного с позволения сказать, содружества был сплошь и рядом криминалитет – братки, скрывающиеся от закона, амнистированные сидельцы и прочий народец, включая штатных членов приснопамятных ОПГ местного разлива. Этакий, представленный в полном объёме, человеческий социум, красочно описанный Максимом Горьким. К слову, многие из этих продвинутых товарищей (ныне их называли бы господами) по своим житейским предпочтениям являлись истовыми поклонниками Золотого тельца, а самые-самые из них – любителями кардинально решать возникающие проблемы с использованием подручных средств типа кастета или ножа. Ну, а коронованные воры в законе, сильно на кого-то обидевшись, могли иногда и пострелять. Так что криминальные аферы, воровство, масштабные драки «стенка на стенку», поножовщина, зачастую с летальным исходом, были делом обычным. Людей при погонах и других полномочных представителей власти здесь видели лишь по великим праздникам. В такой же парадигме, будь она неладна, процветали и постоянные пьяные разборки народонаселения типа «ты меня уважаешь?!», «а ты кто такой?!» и так далее. Ну, а смочить по ходу горло, пересохшее после затянувшегося обмена дежурными «любезностями», не составляло большого труда. Городской винно-водочный завод с «заправочной станцией» при нём находился недалеко, буквально в нескольких шагах от «театра военных действий». Торговля на чёрном рынке шла более чем бойко. Точка работала без выходных и даже положенного советским трудовым законодательством перерыва на обед.

И последние, завершающие кадры этого местечкового триллера уже с участием многочисленной чеченской диаспоры, депортированной во время войны в Восточный Казахстан. Обосновавшись, как истинные кавказцы, в горах, на каменистом плато, именуемом в народе «Овечьим ключом», в нескольких километрах от города, они вели довольно обособленный образ жизни. Правда, отдельные из наиболее любознательных, а главное, горячих джигитов временами совершали набеги на близлежащие города и веси, как в стародавние времена их воинственные предки – хазары. Цель этих рейдов была довольно проста – на других посмотреть и себя показать. И показывали! Европейской толерантностью, как понимаете, здесь и не пахло. Под горячую руку горцев нередко попадали ни в чем не повинные, далёкие от их проблем люди, что сослужило впоследствии дурную службу имиджу гордой нации. Кавказцев стали сторониться, опасаясь беспричинных придинок, а в отдельных случаях (при противодействии) и мести. Их цитадель в горах, подобно Дамоклову мечу, держала местных жителей в постоянном напряжении. И это не метафора. Однажды буйный нрав наиболее радикально настроенных чеченских активистов-бунтарей пришлось даже усмирять с помощью взвода автоматчиков военного гарнизона города. Ребята ещё те. Хотя, справедливости ради, надо заметить, что довольно многие из бесосновательно депортированных «малых» народов принимали самое живое участие в социалистическом строительстве – возводили

дома, плавил металл, работали с большой отдачей в различных сферах созидательной деятельности, понимая, что результаты их труда идут, как это пафосно ни звучит, на благо Родины, а значит, на благо их детей, юных граждан многонациональной республики, беззаветно веривших в счастливое и светлое будущее, обещанное партией и правительством Страны Советов.

Однако о проблемах, связанных с совместным проживанием людей разных этнических групп, вероисповеданий и социальных слоев, или о конфликтах на межнациональной почве, мы тогда слыхом не слыхивали, хотя помню, как во время редких ссор мои родители в сердцах обзывали друг друга: он её – «хохляндией», она в ответ – «кацапом немытым». Но это были близкие люди, и таким образом они выплескивали свои надуманные обиды, не стоящие выеденного яйца.

Сейчас я, сын русского и украинки, чьи гены мирно сосуществуют в моей плоти, уже не один год наблюдаю за тлеющим на окраине бывшей советской империи кровавым конфликтом между двумя славянскими народами, который готов пересечь красную черту и перейти в фазу невозврата, и думаю, неужто Создатель не в силах остановить этот беспредел?

* * *

...Начиная с пятого класса я вплотную занялся своим физическим воспитанием. Стал больше внимания уделять турнику и даже научился крутить «солнце», занялся силовыми видами спорта, попросив своего двоюродного брата, работающего на заводе токарем, выточить мне пятикилограммовые гантели, затем записался в секцию бокса. Походив с полгода на занятия, где отработал технику ударов, и поднакачав бицепсы, я приступил к осуществлению своей багровой мечты – отыгаться на одном из самых ярых моих обидчиков, который взял за правило постоянно издеваться над моей отутюженной одеждой, моим бакинским произношением, а главное, что меня особенно бесило, над моей знаменитой фамилией. Коверкал он её безбожно, до неприличия, тем самым подвергая моё горделивое эго публичному унижению. Выбрав удобный момент, – был отменён очередной урок, – я бросил перчатку кровопийце, вызвав его на поединок. Импровизированным рингом стал школьный двор, а зрителями – представительный хурал из соклассников-«однопартийцев» и прочих любителей «хлеба и зрелищ». Долго не ожидая, я остервенело бросился в атаку и в считанные минуты довольно успешно провёл первый и единственный раунд, нанеся противнику несколько сокрушительных хуков. Прилюдно и с удовольствием я начистил этому хаму и наглецу его поганую физию. Короче, задуманного результата достиг я тогда с лихвой. Хотя, честно признаюсь, чуть позже, когда отлегло от сердца, мне даже стало немного жалко поверженного визави.

А теперь несколько слов о светлом – об организации полновесного детского досуга, которому в Стране Советов уделяли особое внимание. Сразу же вспоминаются ласковые волны Чёрного моря и расположенная на его берегу всесоюзная пионерская здравница «Артек», где, к моему огорчению, не удалось побывать мне, но в котором имела честь отдохнуть моя старшая дочь Аня.

Славные месяцы школьных летних каникул, благословенное незабываемое время, когда подрастающее поколение набиралось сил и здоровья, отдыхая во всевозможных пионерлагерях и пансионатах!

Не обошло сие и меня. Целых пять полновесных сезонов я по полной программе отрывался в «Олеге Кошевом», одном из главных пионерских лагерей областного центра, опекаемом орденоносным трестом «Алтайсвинецстрой». Жили мы, можно сказать, с комфортом. В основном во вместительных армейских палатках, продуваемых всеми ветрами. Лагерная же обслуга «ютилась» в финских коттеджах. Были ещё одноэтажные бараки, в которых размещались столовая, здравпункт, библиотека, ну и, конечно же, пионерская комната – место хранения лагерного стяга и других идеологических атрибутов.

В живописнейшей речной долине Горной Ульбы, помимо нашего «молодогвардейца», расположились ещё несколько лагерей, носивших имена героев-комсомольцев Великой Отечественной: это и «Александр Матросов», и «Зоя Космодемьянская», и «Николай Гастелло». Ближе всех находилось пристанище наших постоянных спортивных соперников и конкурентов, носившее имя Павлика Морозова. Места здесь, выражаясь языком современным бойскаутов, «отпадные». Пища высококалорийная, классная. Времяпровождение – на любой вкус. Хочешь – купайся и загорай, развлекайся рыбалкой. Хочешь – лови бабочек или посещай кружки авиамоделистов, на худой конец развлекайся на курсах кройки и шитья. Книгочечам тоже раздолье. Ну и бесконечные викторины, состязания по различным видам спорта, включая полюбившееся мне перетягивание каната. Да много ещё чего.

Заключительным аккордом этой длящейся несколько недель сказки, её кульминацией были «Взвейтесь кострами синие ночи...» и безудержное веселье «детей рабочих» до самого утра, когда согласно сложившейся традиции юное племя огнепоклонников от души скачет вокруг разгорающегося костра, одновременно наслаждаясь взметнувшимся до небес красочным фейерверком искр, гаснущих на фоне мерцающих звёзд и остроконечных языков пламени, похожих на пионерский галстук.

К сожалению, в последний сезон (на следующий год мне исполнялось пятнадцать лет) мне не довелось участвовать в его искромётном финале. В составе делегации Восточно-Казахстанской области меня отправили на Республиканский слёт пионеров Казахстана в Алма-Ату. Думаю, что мои заслуги заключались в активном участии в кружковой работе и, в частности, в изготовленной мной действующей модели подлодки, ну и успехи в фотоделе.

Но самое главное меня ожидало дома. Сбылась моя давняя мечта. В углу детской, призывно поблёскивая хромированными частями, стоял ВЕ-ЛО-СИ-ПЕД – двухколёсный, взрослый!

Да, умны были всё-таки наши прапрашурь, придумавшие вначале колесо, а затем использовавшие его в качестве средства передвижения. Я приспособился возить на велосипедной раме всевозможные грузы, в том числе и своего тёзку Толяна, который, согласно раскладу ветвей фамильного генеалогического древа, являлся моим двоюродным братцем. Нашей фишкой и конечным пунктом любимого маршрута был городской аэродром с земляной взлётной полосой, располагавшийся тогда на огромном пустыре неподалеку от винзавода. Мы могли часами, словно завороченные, наблюдать, как суетятся возле четырёхкрылых машин механики, как мотается туда-сюда тряпичный конус ветроуказателя

(в просторечии колдун или колбаса), как взлетают и приземляются аэропланы, прозванные «кукурузниками», не обращая внимания на клубы пыли, поднимаемые ими. И мечтали... каждый о своем, о заветном...

Эти многолетней давности поездки оставили неизгладимый след в детской памяти и, вне всякого сомнения, каким-то образом повлияли на судьбу моего младшего родственника, выбравшего в качестве своей жизненной стези небо. И ещё из области непознанного. Так сложилось, что пилотировать Анатолию Сергеевичу Лаптеву суждено было, в основном, теми же По-2 («кукурузниками»). Такое вот кармическое эхо...

* * *

1960 год стал в жизни нашей семьи поворотным. Окончив Гаванскую ШРМ (школу рабочей молодёжи) и получив аттестат зрелости, я решил поменять профессию. Меня давно привлекали всевозможные средства передачи изображения, особенно движущегося. В этой связи я даже научился самостоятельно крутить ленты на кинопередвижке «Украина» (ПП-16-1), а затем, сдав успешно экзамены, получил корочку «демонстратора узкоплёночных фильмов». Телевидение в 60-е годы только-только набирало силу, но в перспективе явно претендовало на роль одного из самых привлекательных и продвинутых «среди важнейших из искусств». И я загорелся, и даже запыхался.

Изначально, по жизни я был больше технарь, чем гуманитарий. О радио знал не понаслышке. Даже в своё время с помощью набора радиодеталей из детского конструктора собрал два телефонных аппарата и пробросил провода между стоявшей на отшибе мастерской и домом. Поэтому я начал с того, что проштудировал кучу учебников, а затем отправился в городское телеателье, чтобы предложить там свои услуги. Мне несказанно повезло. В процессе собеседования я глянулся главному инженеру и вскоре был принят на работу (с испытательным сроком) радиомехаником 5 разряда.

Вскоре моего отца-трудоголика, Павла Давыдовича Лаптева, проявившего недюжинный талант строителя при возведении городского Дворца металлургов, высокое начальство наградило двухкомнатной квартирой в пятиэтажной «хрущёвке»...

Месторасположение нашего очередного «пентхауса» опять оказалось буквально в сотне метров от берега Ульбы, правда, теперь уже в её устье. Ловить рыбку, большую и малую, теперь можно было непосредственно с лоджии. Двухкомнатная квартира эта на последнем этаже крупнопанельной пятиэтажки занимала «kozyрное» место в начале улицы Льва Толстого. Она стала последним пристанищем моих дорогих стариков, ну и моей штаб-квартирой. Как всегда, родители проявили щедрость и отдали в мое распоряжение целые апартаменты, именуемые в народе спальней...

* * *

Оттепель шестидесятых растопила айсберги тридцать седьмого, смывая прогнившие ошметки творимого в те приснопамятные годы беспредела. Узники совести вышли на свободу. С импровизированных трибун можно было говорить всё, что только душа пожелает. Были вытащены из стола и обнародованы такие нетленки, как «Мастер и Маргарита» Булгакова, покинули полки и были показаны

ны простому народу талантливые ленты опальных авторов. Под аккомпанемент гитары звучал тихий, задумчивый голос Булата Окуджавы, а из динамиков магнитофонных приставок, выставленных в раскрытые окна, доносились рвущие душу песенные исповеди-притчи Владимира Высоцкого, ставшего воистину всенародным любимцем.

Лично меня судьба трижды сводила с Владимиром Семёновичем. Первый раз это случилось во время его гастролей по нашей области, во второй раз встреча произошла в просмотровом зале московского Дома кино. Я, немного расслабленный после потрясающей премьеры фильма Тарковского «Зеркало», чуть подзадержался и уже в полупустом зале начал неспешно пробираться к выходу, и тут от неожиданности опешил, увидев спускавшегося с антресолей Высоцкого. Не в силах удержаться от соблазна пообщаться с человеком такого масштаба, я подошёл к нему. Я поздоровался и, желая выглядеть оригинальным, а заодно и польстить барду, изрёк с придыханием: что, мол, брат Володя, с галёрки вышагиваешь, на что получил обескураживший ответ, смысл которого состоял в том, что всякие там райки, закоулки и другие затрапезные места не для него. Ну как же так?! Самый социальный из поэтов-песенников, можно сказать, глас народа, его глашатай, и вот тебе. Вполне возможно, что в тот момент мысли его были далеко, и он просто-напросто отмахнулся от назойливого собеседника, ответив дежурной фразой... Такой вот случился камуфлет.

Ну, а в доброте Высоцкого, его обязательности я лично убедился чуть позже, когда моя попытка достать билет на любимовскую постановку «Гамлета», в которой роль принца датского играл Владимир Семёнович, к тому же это был его бенефис, не увенчалась успехом. Не помогла даже обычно безотказная в подобных случаях «корочка» студента ВГИК. И тогда я вспомнил о заявлении, которое он, будучи у нас на гастролях, произнес со сцены Усть-Каменогорского строительного-дорожного института, пообещав любому, кто окажется в Москве и захочет побывать в знаменитом театре «На Таганке», помочь с билетами. По обрывкам фраз шушукающей поблизости группки людей с огромным букетом роз, я понял, что они собираются поздравить Высоцкого, и присоединился к ним. Когда церемония закончилась и все стали расходиться, я догнал юбиляра и нагло напомнил об обещании, данном когда-то его устькаменогорским почитателям. Он не сказал «ну ты, паря, даёшь», не скривил лицо от моего беспардонного поведения и даже не удивился моей прыти, а просто предложил срочно бежать в кассу и, сославшись на него, получить желанную контрамарку. Театральную программку того незабываемого спектакля я храню до сих пор.

* * *

Конец XIX столетия был насыщен массой знаковых событий и открытий в различных областях человеческой деятельности. Несколько особняком стоит событие, произошедшее в декабре 1895 года в подвале парижского «Гран кафе» и явившее миру новое и важнейшее из искусств. Там на белом полотнище впервые ожили черно-белые картинки. Зрители покатывались со смеху, наблюдая за «Политым поливальщиком» – самым первым кинематографическим продуктом братьев Люмьер, и испуганно срывались с мест при виде поезда, прибывающего на вокзал Ла-Сьота.

В начале «синема» воспринималась как некий модный аттракцион, где движущиеся картинки сопровождалась пояснительными титрами и бряцаньем на рояле сидящего в зале тапера. По прошествии небольшого времени в нём появилась драматургия, и для написания оригинальных сценариев стали привлекать лучшие творческие силы из сопредельных искусств. Процесс набирал обороты. После попыток раскрашивать отдельные кадры, как это было сделано с флагом в фильме С. Эйзенштейна «Броненосец Потёмкин», была создана многослойная цветная киноплёнка, и экран заиграл всеми цветами радуги. Появился звук, актёры заговорили вживую, синхронно с их экранными героями. Киноиндустрия становилась в техническом плане всё более изобретательной и оснащенной, и, как следствие, обрела массу верных поклонников и их непреходящую любовь.

Для простого народа кино в послевоенное голодное время, в годы разрухи и при отсутствии элементарных благ цивилизации было редкостью. Обычно фильмы показывали в так называемых летних кинотеатрах, огороженных высоким забором, где в качестве экрана использовалась белая полотняная простыня. Попасть туда легально, купив дорожный билет, для нас, малолеток, задачей было практически невыполнимой. Но, как известно, голь на выдумки хитра. Поскольку передвижная киноустановка, как правило, располагалась в городском парке, то в качестве зрительских мест мы использовали растущие поблизости деревья, выбирая для большего комфорта самые толстые ветви. Занимали мы свои смотровые точки еще до наступления темноты.

Из всего репертуара того времени больше всего мне запал в душу трофейный блокбастер о Тарзане, который в течение почти всего фильма, ухватившись за свисавшие лианы, лихо перелетал с места на место, при этом издавал звуки, наводившие ужас на местное народонаселение даже после окончания сеанса благодаря его малолетним подражателям. Вольготно расположившись на суку развесистого клёна и наслаждаясь мельканием убойных картинок, я чувствовал свою сопричастность к происходящему, какую-то неуловимую связь и даже родство с киногероями. Как будто я не раз бывал в этих джунглях и мне до боли знакомы их обитатели. Этакое, с позволения сказать, дежавю...

Следующей моей ступенькой в мир большого кино стала индийская лента «Бродяга» с участием несравненного Раджа Капура. Наверняка мои сверстники до сих пор помнят мелодию и припев песни, прозвучавшей в начале пятидесятых с экранов. «А-ва-ра-му-у... Бродяга я», и далее проникновенные, берущие за душу слова, от которых на глаза у особо чувствительных наворачивались слёзы.

Потом я открыл для себя Чаплина, хохотал до упаду над кунштюками американца Чарли и развесёлых русских ребят во главе с Утёсовым из кинокомедии Александрова, восхищался мужеством Андрея Соколова, героя фильма «Судьба человека» в гениальном исполнении Сергея Бондарчука.

В общем, ко мне от фильма к фильму всё больше приходило осознание того, что «важнейшее из искусств» – это моё, это моя судьба, если хотите, моя планида.

Человек я, как позже выяснилось, честолюбивый и публичный, с претензиями на неординарность. Поэтому получив аттестат зрелости, я сразу приобрел Справочник для поступающих в высшие учебные заведения. Полистал его и определил для себя лидирующую тройку – Московский институт международных

отношений, Литературный институт имени Горького и Всесоюзный государственный институт кинематографии. Свой выбор по вполне понятным причинам я остановил на кино. Так началось моё долгое, чреватое множеством препон восхождение на кинематографический Олимп. Поработав осветителем киногруппы Усть-Каменогорской студии телевидения, через полгода я был тарифицирован как ассистент третьей категории, с правом самостоятельных съёмки, а также мне была вручена кинокамера. Пока, правда, любительская.

Следующим шагом в нужном направлении стала моя первая поездка в стольный град Москву. Попытка с бухты-барахты влиться в славные ряды кинодеятелей оказалась не очень продуктивной. Массивные двери ВГИКа, куда я «ломанулся», пока были не для моих неокрепших зубов. Не удалось пройти даже собеседование, где вопросы были довольно каверзными и задавались классиками отечественного кино. Одна из причин моего фиаско заключалась ещё и в том, что документы я подал на очное отделение, где конкурс был до полусотни на место. Так, не солоно хлебавши, я отправился восвояси.

Вернувшись в родные пенаты, я, следуя народной мудрости, гласящей, что сани надо готовить летом, начал разрабатывать хитроумную стратегию и определять тактические задачи для будущей и, вероятнее всего, долгосрочной осады бастионов престижнейшего вуза. Так и получилось. Непрístupная крепость под кодовым названием ВГИК капитулировала лишь после третьего моего захода. Да, что ни говори, но ангелы-хранители существуют. Подтверждением тому – два эпизода из моей экзаменационной эпопеи. Практической частью самого ответственного геста по операторскому мастерству является фотосъёмка. Для этого участникам конкурса выдаётся маркированная плёнка, и они в поисках сюжетов обычно отправляются в павильоны ВДНХ, расположенные поблизости от института. Затем отснятый материал вынимают из камеры, проявляют и печатают фотографии. Когда один нечистоплотный абитуриент, решив избавиться от конкурентов, засветил экспонированную плёнку своих нерасторопных коллег, включив в фотолаборатории свет, моя, хвала Всевышнему, уже лежала в проявочном бачке. Во втором же случае за меня вступился набиравший курс мастер, поскольку, как сказали по секрету девочки в приёмной комиссии, моя экзаменационная работа по русскому языку изобиловала таким количеством ошибок, что «дядя, не горюй».

Постигать тонкости операторского мастерства я начал, будучи оператором третьей категории и имея за плечами уже десятки отснятых сюжетов и очерков. А учиться было и чему, и у кого. Гуру операторского факультета ВГИКа был в то время глыба отечественного кинематографа и его легенда, Герой Социалистического Труда, профессор Анатолий Головня, снявший с Пудовкиным множество фильмов, в том числе шедевр мирового киноискусства «Мать». Своих питомцев он называл не иначе как «дэточки» и считал, что тайны мастерства светописи мы все обязательно постигнем, приводя в качестве аргумента свою любимую присказку: «Даже зайца можно научить спички зажигать». И ещё мэтр призывал нас стараться при воплощении кинематографического замысла мыслить образно: «...известно, что для нормального функционирования организма требуется железо, но, в отличие от гранита, грызть его вам не надо – зубы сломаете. Достаточно изредка лакомиться яблоками». Ну, а его верными соратниками, так сказать кормчими творческих мастерских, были тоже довольно известные и уважаемые «профи».

такие как заслуженный деятель искусств Леонид Косматов, лауреаты Ленинской премии Владимир Монахов и Игорь Слабневич. К слову, последний возглавлял Государственную экзаменационную комиссию во время защиты моей дипломной работы – фильма «Исследователи», и оценка «отлично» с витиеватой подписью во врученных мне желанных институтских корочках выведена его рукой.

Получив на руки вождеденный документ, подтверждающий мою профессиональную состоятельность, до зубов вооруженный теоретическими познаниями, ну и толикой опыта, я очертя голову бросился в беспокойные и довольно коварные волны житейского океана, чтобы «творить везде, творить всегда». Хотя, что это я? Бросился вполне обдуманно. И творить ни много, ни мало историю! И это, скажу я вам, не преувеличение. Ведь каждый кадр, экспонированный на светочувствительном слое киноплёнки, – это документальный слепок мгновения, происходящего в определённое время и в конкретном месте. То есть та самая живая, в лицах и делах, история, складированная для потомков в многочисленных фильмохранилищах, разбросанных по всему миру.

Исколесив в поисках оригинальных тем для своих будущих сюжетов, очерков и фильмов вначале Казахскую Советскую Социалистическую Республику, а затем её суверенный аналог, более чем за полвека я прошёл большую жизненную школу. И мир повидал и себя показал. Правильнее будет сказать, что показывал не себя, а собственную кинопродукцию, наглядно отражающую мой творческий потенциал. Удалось мне побывать и в столицах «республик свободных» Страны Советов.

Дороги тележурналиста, как известно, неисповедимы и нередко приводят на профессиональные праздники важнейшего из искусств. Для меня началось это со Всесоюзного телефестиваля в Минске, где Казахстан был представлен несколькими фильмами. Одним из них была «Четвёртая охота», с которой я дебютировал в качестве режиссёра.

И опять двадцать пять! Карма у меня, что ли, такая?! Как ни стараюсь, первый блин почти всегда получается комом. В заявке на участие в соревновательной программе что-то было недооформлено, и пилотный фильм Казахского телерадиокомитета, снятый на Усть-Каменогорской студии, показывался вне конкурса. Но нет худа без добра. Вместе со своим соавтором Павлом Бортником мы совершили турне по городам Прибалтики. Побывали на родине Чюрлёниса, посетили галерею с его выдающимися полотнами, пощекотали нервы в «Музее чертей». Удалось даже прорваться (помог партбилет моего визави) в закрытый порт Палдиске, где базировался подводный флот Вооружённых Сил СССР. Но больше всего нас удивил воздух (ни одной трубы, источающей зловонный запах серы) и гастрономическое изобилие со множеством сортов сырокопченых колбас, всевозможных морепродуктов и прочих деликатесов, каких в наших краях днём с огнём не найти.

Удивительно, как всё-таки иногда бывает избирательна человеческая память. Взять, к примеру, руководителей бывших прибалтийских «вассалов» Союза нерушимых (по терминологии «горячих» парней), ставших ныне независимыми государствами. Окончательно потеряв совесть, они открыто поливают грязью своего бывшего кормильца, называя оккупантом и нагло требуя миллиардные компенсации за нанесенный им моральный ущерб. А ведь эти три дотационные

республики при советской власти купались как сыр в масле, получая ежегодно огромные финансовые вливания, и в отличие от других были избавлены от вредных производств и налогового гнёта. Но Бог, он всё видит и, в назидание другим, шельму метит. Теперь высокотехнологичные предприятия, известные на весь Союз своей продукцией, типа ВЭФа и РАФа, закрыты, а треть населения, численность которого неуклонно падает, вынуждена подрабатывать на стороне. А на площадях их столиц ежегодно проходят шествия легиона бывших фашистских прихвостней.

Дружба народов для многонационального советского народа, населявшего 1/6 часть Евразийского пространства, – не пустой звук. Она, по сути, являлась цементирующей основой большевистского мироустройства. А Казахстан, где издавна в мире и согласии проживает более ста этнических групп, журналисты в своих публикациях любили называть «лабораторией дружбы народов».

Всевозможные масштабные мероприятия, связанные с культурой, знаменательные даты, праздники считались всесоюзными и отмечались всей страной. Вот и телевизионные фестивали проводились поочередно в столицах национальных республик. Мне, до развала СССР, посчастливилось побывать почти на всех. Помимо участия в соревновании лучших работ голубого экрана, представленных телерадиокомитетами союзных республик на суд жюри, мы узнавали много интересного и примечательного об истории и обычаях принимающей стороны.

В Ереване мы первым делом побывали в Эчмиадзине – духовном центре Армянской апостольской церкви, затем организаторы свозили нас в небольшой городок Горис, где показали на отвесном склоне горы пещеры, в которых прятались люди во времена гонений на армян. И ещё неожиданно для себя я узнал, что коренные жители Армении не в восторге от своего марочного «Арарата», предпочитая ему тутовую водку. Ходила байка, что во время войны именно ее, а не коньяк, целыми бочками поставляли в Британию сэру Уинстону Черчиллю.

А вот на Ташкентском телефестивале меня начала неожиданно одолевать ностальгия. Нахлынула она после того, как, прогуливаясь по городу, я увидел около чайханы огромный чан с источающим несравненный аромат узбекским пловом. Тогда на память пришёл один малоприятный эпизод из моего безалаберного прошлого, когда безусым юнцом я отважился на многодневный вояж из Азии в Европу и обратно. В начале всё шло как полагается. Наевшись от пуза винограда, инжира, алычи и кучи других экзотических даров из своего бывшего сада в местечке Мардакьяны, вдоволь пообщавшись со своими повзрослевшими приятелями и в заключение полюбовавшись с портовой набережной «Бакинскими огнями», я отправился домой. Ехал я полуголодный (по неопытности не рассчитал «сальдо с бульдо») и меня прикармливали сердобольные соседи по купе) и в довершение в Ташкенте чуть не отстал от поезда, прикорнув во время продолжительной стоянки на привокзальной скамейке. Все, слава богу, обошлось, но с тех пор при виде консервов со зловещей надписью на этикетке «Снеток в томате» мне становится плохо.

Самым же судьбоносным для моей творческой биографии стал Всесоюзный телефорум в Тбилиси. Это было созвездие известнейших имён в области кино и телевидения. Сценаристы, режиссёры, актёры. Для фильма «Ирония судьбы»,

который представляли Эльдар Рязанов с Барбарой Брыльской, получившего Главный приз фестиваля, Тбилиси стал стартовой площадкой, с которой началось победное шествие ленты по телевизионным экранам мира и его долгая жизнь. Не была обделена здесь и моя лента «Старик и Озеро», участвовавшая в конкурсной программе документальных фильмов. Она была отмечена одной из высших наград с формулировкой «За поэтическое воплощение темы». И ещё мне понравилась грузинская кухня, изобилующая экзотическими блюдами, сдобренными всевозможными приправами и пучками кинзы.

Запомнился мне один необычный эпизод, происшедший во время ознакомительной поездки по историческим местам старого Тбилиси. Наш микроавтобус медленно полз по узким улочкам вдоль ряда живописных строений. Вдруг за высоченным забором одного из особняков я увидел часть огромного силуэта всадника на коне, который был вырезан из толстой фанеры. Но главное, что меня особенно поразило, — эта хлипкая конструкция, подвешенная на верёвках, медленно передвигалась по двору. Увидев лицо седока, я от неожиданности вздрогнул. На его месте к фанерной голове была пришпилена черно-белая фотография хозяина, снятого в анфас. Гид объяснил, что это часть грузинского поминального ритуала. Я поинтересовался у знатока народных обычаев — ...а, что, мол, так помпезно отмечают уход в мир иной любого из граждан гордой Сакартвело, — на что тот лишь пожал плечами.

В заключение, ещё один курьёзный случай. На одном из многочисленных фестивальных банкетов моё «посадочное» место оказалось рядом с восходящей звездой советского кино Людмилой Чурсиной. В тот период я холостяжничал, и соседство с такой дамой для меня было просто подарком. То да сё, слово за слово, возникла некая аура, и мы решили продолжить наше общение. Перед расставанием она дала мне свой домашний телефон. И вот через пару месяцев, будучи по делам в Москве, я набираю номер кинодивы. Молчание. Набираю в течение недели ещё несколько раз. Одни лишь долгие гудки... Так-то вот!.. Но однажды, перелистывая справочник Союза кинематографистов, я случайно наткнулся на телефон и адрес Чурсиной. Получилось почти как в «Иронии судьбы». Оказывается, по своему недомыслию, я набирал московский номер, а надо было звонить по междугородке в Ленинград. Такой вот допустил прокол. Знать, не судьба, тем более, как я узнал позже, её бывший муж был сыном самого Андропова, а в моей жизни уже был прецедент с сильными мира сего, когда дочка одного из секретарей ЦК Казахстана чуть меня не «захомутала», и я, с детства не приемлющий ничьего диктата, мог оказаться в унижительной роли.

Последний из фестивалей, на котором я побывал перед крахом нашей замечательной империи, проходил в северной столице, носившей в то время имя Ленина. Там я солировал со своей короткометражной игровой картиной «Когда уходят снега». Всё складывалось как нельзя лучше. Но в ночь перед подведением итогов конкурса ушлые узбеки подсустились, накрыв богатый дастархан для членов жюри. И... всё пошло прахом. Мой предполагаемый приз отбыл скорым поездом в Ташкент.

«Трое суток шагал» я ради пары убойных кадров, конечно же, не только на своих двоих. Как сейчас помню мои эскапады на гужевом транспорте. Азы вольтижировки мне довелось осваивать на сивом мерине не первой свежести, любезно предоставленном районным начальством Катон-Карагая, куда я прибыл по заданию новостной редакции областного телевидения.

Приторочив к седлу свои киношные причиндалы, я со второй, а может, с третьей попытки, гордо взгромоздился на своего Росинанта и отправился донкихотствовать в ближайший стройотряд, возводивший овечьи благоустроенные жилища. Потом были полевые станы и другие важные объекты трудовой деятельности сельских тружеников.

Из всего этого многообразия более всего мне понравилось турне по джайлю. Протопаёт неведомо откуда взявшийся двугорбый верблюд, подаст голос маралий вожак, сразу же, предупреждая об опасности, застрекочет сорока-белобок, кинутся, пронзительно пискнув, в спасительные катакомбы сурки.

А потом предо мной открылась картина поистине космического масштаба, когда из-за очередного крутосклона на фоне вечных небесных странников в океанских волнах альпийского травостоя неожиданно, словно прибежище инопланетян, возникли устремлённые в небо свечи белоснежных юрт. К этой расположившейся высоко в горах стоянке «внеземной цивилизации», именуемой в просторечье чабанским отгоном, мне на заключительном этапе своей корреспондентской миссии удалось добраться лишь после захода солнца. И тут началось. Сразу же был накрыт дастархан, на котором высились горки аппетитных баурсаков и курта, во вместительных кесе пенился кумыс, в пиалах дымился крепкий чай, приправленный сливками. Поодаль началась непонятная беготня, связанная, как я понял позже, с приготовлением коронного блюда кочевников. Меня усадили на почётное гостевое место, и хозяин, хитро улыбаясь, выставил на стол добытую из заначки бутылку водки. В общем, приём проходил по высшему разряду и затянулся аж до глубокой ночи, пока не подоспел несравненный бешбармак. И вот здесь-то я немного спасовал. Согласно обычаю, мне были вручены нож и баранья голова, которую полагалось разделать и вручить каждому из участников трапезы, согласно их положению в обществе и возрасту, её фрагменты: детям ушки, кому-то язык, гостю, то бишь мне, глаза и так далее. Поскольку для меня процедура сия была внове, то я, извинившись, передал голову сидевшему рядом аксакалу. Как всё-таки гостеприимны и хлебосольны простые люди труда, представители славного племени номадов.

Уже спускаясь с горних вершин, мой подуставший коняга угодил передними конечностями в батпак, скрытое травостоем заболоченное место. Я с трудом выbralся из-под завалившейся набок животины. Оправившись от шока и возблагодарив Всевышнего за то, что всё более-менее обошлось, руки, ноги, голова на месте и функционируют в рабочем режиме, и даже лошак смог самостоятельно встать на все четыре копыта, я продолжил свой путь в цивилизацию. Но, как известно, дорога полна неожиданностей. Впереди меня ждал ещё один малоприятный сюрприз. Когда до конюшни оставалось где-то с километр, мой довольно флегматичный сотоварищ, вдруг, закусив удила, понёс. Вначале я подумал, что заторопился он, потому что пахло родными местами, но раздавшийся сбоку скрежет металла разрешил мои догадки. Это по земле волочился выпавший из прохудившейся сумины конвасовский аккумулятор. Мне стоило невероятных, нечеловеческих усилий остановить на ходу до смерти напуганное животное.

Наверное, многим из нас в определённые моменты жизни приходит желание достать свою трудовую книжку и полистать её. Я не исключение. Однажды, поэтапно резюмируя незабвенные годы работы на киношной ниве, я вдруг

неожиданно для себя сделал умозаключение, что как ни крути, но на мою долю выпало более чем достаточно, можно даже сказать перебор, критических ситуаций, в которых реально нависала угроза сиюминутно отправиться в мир иной. В такие стрессовые мгновения, когда адреналин в крови зашкаливал, наступал тот самый катарсис, во время которого начинаешь задумываться о своём месте, своём предназначении в этом огромном мире. Все мысли в этот момент непроизвольно устремляются к небесам, а сердце начинает учащенно биться, настойчиво напоминая о Вечном и его непреходящих ценностях.

Как-то в один из июльских дней неподалеку от прикормленного места моей постоянной рыбалки один табунщик решил переправиться на другой берег на своём скакуне. Я тут же подсутился и попросил его взять меня с собой. Тот, ехидно улыбаясь, согласился и предложил во время переправы уцепиться за конский хвост, что я, недолго думая, и сделал. Спас меня истошный крик зрителей, наблюдавших за этим цирком, когда трюкач, который болтался за крупом лошади туда-сюда, исчез из поля их зрения, скрывшись в речном водовороте. Оглянувшись, ничего не подозревавший остроумец увидел под слоем воды извивающееся в конвульсиях человеческое тело. Никак не ожидавший подобной глупости с моей стороны, он так растерялся, что, спасая меня, утопил конскую сбрую и верёвку для пут.

А вот ещё более поздняя история. В 1968 году группа партийных активистов, ударников соцтруда и спортсменов в честь очередного юбилея Ленинского комсомола решила «ударить автопробегом по бездорожью» области, а в конце пути совершить восхождение на вершину пика Ушанова, одну из самых высоких точек Южного Алтая, чтобы заложить капсулу с посланием потомкам. Редакцией теленовостей мне было поручено освещать все этапы почётной акции. Поначалу всё шло чики-чики, так сказать, в штатном режиме. Протокольные встречи с младокоммунистами приграничных районов, проходившие под бравурные звуки шлягера «Комсомольцы-добровольцы», ну и... (а как без этого!) идеологически выдержанные тосты под ласкающее слух мелодичное позвякивание рюмок с «чаем». Обязательное застолье, как правило, завершалось дежурным набором душещипательных процедур, включающих горячие объятья, признания в вечной дружбе и любви к партийному начальству, ну и клятвами в неизменной верности непреходящим идеям марксизма-ленинизма. Точку ставили продолжительные поцелуи и громкие хлопки открываемых бутылок «Советского шампанского».

Через нескольких дней пути по колдобинам трассы «стратегического назначения», после вынужденной, затянувшейся на долгие часы остановки в ожидании паромы через Чёрный Иртыш, народ, измотанный нескончаемой тряской, «пылью да туманом», несколько сник. Одной из причин хандры стали тучи комаров, слетевшихся со всех окрестностей на «свежак». Эти кровожадные вампиры состояли из подразделений особой разного калибра. Я заметил, что самые крупные вели ночной образ жизни, и время их ланча приходилось на глубокую ночь. А вот столбы кусачей мошкары, поднимающиеся к небесам, донимали нас в полдень, не давая покоя во время обеденной трапезы. Отдельные, наиболее ловкие экземпляры гнуса умудрялись каким-то непонятным образом проникать даже в наглухо закрытый котёл полевой кухни, щедро сдабривая приготовленную в нём пищу. Я не переставал удивляться выносливости здешних пограничников, которым вы-

пала нелегкая доля стоять на страже рубежей нашей необъятной Родины в этом гнилом месте, и совершенно не понимал китайцев, развязавших кампанию по истреблению воробьёв, основных потребителей назойливых насекомых.

Отошли мы от дорожных неурядиц лишь на завершающей стадии почётной миссии, разбив палаточный лагерь у подножья пика Ушанова, под развесистыми кронами вековых кедров. После нескольких дней адаптации, мастер-класса по азам альпинизма и сдачи зачётов мы, вооружившись ледорубами и другими необходимыми для восхождения причиндалами, вышли на штурм непокорной вершины. Первый для меня предупредительный звоночек с небес прозвучал, когда я, увлечшись съёмкой, оступился и, заскользив по ледяной корке снежника, чуть не угодил в широченную трещину. Следующая неприятность случилась со мной уже на вершине. Завалив обломками базальта послание от комсомольцев XX века комсомольцам XXI (бедолагам и в страшном сне не могла прийти в голову мысль о самоликвидации союза молодежи) и хлебнув положенные сто грамм глюкозы (допинг и средство от кислородного голодания), я вслед за участниками штурма оседлал острую как бритва вершину пика. Неожиданно горное эхо донесло меня до моих ушей непонятные, многократно повторяемые звуки. Резко повернув голову, я инстинктивно глянул вниз. Там, в десятке метров от меня, на фоне бездонной чёрной дыры распластал метровые крылья огромный представитель семейства орлов. Нежась в восходящих потоках теплого воздуха, он, как мне в тот момент показалась, плотоядно поглядывал на меня. То ли от такой устрашающей картины, хотя я более склонен думать, что от резкого поворота кровотока, питающий серые клетки, уменьшился, и я чуть не отключился. Нечто подобное со мной произошло позже, когда во время съёмки с вершины дерева я тоже резко крутанул шеей и потерял сознание. Очнулся я уже лежащим на земле и долго не мог сообразить, где я и что со мной.

Настроив свой подуставший мозг на нужную волну, я медленно перелистываю страницы моей далекой от идеала жизни и натыкаюсь на целую дюжину эпизодов, когда моя жизнь не стоила и ломаного гроша, и лишь неведомые, запредельные силы отводили от меня (своим непосредственным вмешательством) неминуемую беду.

Многие из экстремальных ситуаций были, в основном, связаны с водой и лошадьми. Наверное, в этом повинны мои гороскопы, по одному из которых я – Водолей, по другому – Конь.

Во время работы над озерной трилогией произошла вообще запредельная, на грани фола, история, когда меня вместе с ассистентом застал на середине высокогорного озера сорвавшийся с гор верховой ветер. В считанные минуты поднялись огромные волны, которые начали захлёстывать нашу, имеющую низкую осадку, лодчонку. Перспектива оказаться в ледяной воде на приличном расстоянии (где-то десять километров) от берега была вполне реальна, и в этом случае анабиоз обеспечен. Я заорал нечеловеческим голосом на своего сникшего визави, чтобы он немедленно начал вычерпывать из плоскодонки воду, а сам, хотя в душе и уповая на ангельское милосердие, но помня всегда, во всех случаях жизни, что «Бог, то Бог, но и сам не будь плох», принял, видимо, по наитию, единственно правильное в этой аховой ситуации решение, начав осторожно-осторожно разворачивать утлый ковчег поперек накатывающихся волн, чтобы вписаться в их амплитуду. Прделав этот маневр, нам оставалось лишь отдаться воле судеб и

молиться на начавший подозрительно чихать и подкашливать мотор, чтобы он, не дай Бог, не окочурился, не приказал долго жить.

По поводу моих непосредственных контактов с благородным племенем непарнокопытных. Трудно сосчитать, какое количество раз происходил этот самый контакт с неблагоприятным исходом. То своенравные и свободолюбивые животные отоваривали меня, потерявшего бдительность, коваными конечностями, то мой верный Боливар, угодив по оплошности передними копытами в сурчиную яму, «нежно» прижимал меня тёплым боком к холодной земле.

Был и ещё один случай, в результате которого я чуть не стал инвалидом. Во время нашего продолжительного «дефиле» по медвежьим углам в надежде запечатлеть хозяина тайги в естественных местах его обитания вдруг, по непонятной причине взбрыкнулся мой аргамак, личное транспортное средство самого заведующего мараловодческим отделением, которое он, проникшись к нашей съёмочной группе уважением, предоставил мне на период работы. Я, человек, уважающий истинных профи, доверился коварному животному и расслабился. Даже попробовал гарцевать по дамскому варианту, перекинув ноги на одну сторону. Но, как известно, природа фраеров не приветствует. Мой аргамак резко мотанулся в сторону (по всей вероятности, испугался греющейся на тропе гадюки), и я очутился у него в ногах. Минут пятнадцать, распластавшись на травушке-муравушке, я был не в силах не только пошевелиться, но даже цыкнуть на моих подчинённых, которые не смогли сдержать улыбок по поводу моего неподвижного сальто-мортале. Уже много лет спустя, во время одного из обследований, рентгенолог обнаружит на моём позвоночнике крупную вмятину, которую я получил от своего разлюбезного друга-товарища «Конваса», этой железяки со стеклянными глазами, которую я держал в рюкзаке за спиной. Буквально через сутки мой гривастый обидчик приказал долго жить. Во время тяжелейшего спуска по закованному в ледяной панцирь крутосклону бедное животное оступилось и, присев на круп, заскользило под откос, к краю пропасти. Не помогли даже кованые подковы на копытах. Еле высвободив ноги из стремян, я, кляня себя за собственное бессилие помочь гибнущему братцу своему меньшому, катапультировался из седла. Но подобные «казус белли» – лишь малая толика не самых приятных эпизодов, происшедших в погоне, нередко иллюзорной, за убойными, лауреатскими кадрами или «ради нескольких строчек в газете». Что подделаешь?! Журналистский хлеб, как и хлеб и многих других профессий, увы, не из самых лёгких.

Последним, наиболее рискованным испытанием, которому я подвергся во время выполнения нормативов, необходимых для присвоения престижного звания «Альпинист СССР», стал «чемодан». Да, вы не ослышались. Именно так называют бывалые восходители внушительные валуны, которые под воздействием природных явлений частенько срываются с вершин. Только чудо спасло меня тогда от нежелательного «контакта» с гранитным монстром, который, словно огромный футбольный мяч, подпрыгивая по скалам, с космической скоростью пронёсся прямо над моей головой. Позже, делая ревизию своей причёске, я, к своему огорчению, обнаружил несколько ранних седых волос.

Работая на телевидении, в одном из самых действенных рупоров «ума, чести и совести советского народа», а попросту компартии, мне, по истечении комсомольского возраста, полагалась прямая дорога в её члены. И я, выплачивая

очередные комсомольские взносы, постепенно начал об этом подумывать. Тем более что отсутствие красной книжечки с абрисом Ленина отражалось на моей профессиональной деятельности. Я не допускался к съёмкам всевозможных партийных сходов, не мог работать над очерками идеологического толка. Ну и, опять же, связанные с этим перспективы карьерного роста. Как-то, выбрав удобный момент, я о своём желании поведал секретарю местной партийной ячейки. Эту должность в те годы занимала довольно суровая женщина, и я боялся получить отлуп. Но всё обошлось. Правда, она выдвинула при этом кучу условий, которые, прежде чем я предстану перед членами приемной комиссии, должен выполнить за время испытательного срока. Поразмышляв день-другой над этой незадачей, я пришёл к выводу, что «ать-два, левой в едином строю» это явно не мое, а задание «партгеноссе» посчитал для себя неприемлемым и даже унижительным. Как так?! Я, один из лучших операторов студии, к тому же ещё и достойно, в поте лица, отстаивающий её престиж на городских спортивных площадках, сподобился оказать местечковой парторганизации честь, пополнив её жиденькие коммунистические ряды своей особой, и вот, нате. Таким вот образом, не начавшись, закончилась моя предполагаемая партийная карьера, что, однако, не помешало мне (заметьте, беспартийному) в мои тридцать восемь с хвостиком лет (ограничительная планка по возрасту 33 года) получить премию Ленинского комсомола республики за кинотрилогию об озере Маркаколь.

Из этой же серии и мои достижения в области телевизионной журналистики, за которые я в 1990 году был удостоен звания «Заслуженный деятель искусств» с вручением удостоверения, подписанного Председателем президиума Верховного Совета Казахской Республики Махтаем Сагдиевым. Как известно, большое видится издалека. Сейчас, по прошествии четверти века, начинаешь понимать, что идеи коммунизма и его апологеты, их исповедующие, «не есть нехорошо». И люди, честно отстаивающие свои идеалы не только в обычной, повседневной жизни, но и на полях военных сражений, а примеров тому масса, достойны всяческого уважения. Это было время людей с прописной буквы, товарищей, как было принято обращаться друг к другу, занимающих самые высокие посты. Руководителей, держащих руку на пульсе страны и имеющих мандат доверия от своего народа. Большинство из них были выходцами из самых глубин социума, и они прекрасно знали насущные запросы общества, относясь с неизменным пиететом и уважением к любой созидательной деятельности своих сограждан во благо и процветание державы. Не премину заметить, что это, в том числе, относилось и к нам, пишущей и снимающей братии, в чём я не однажды убеждался за время своей полувековой «пахоты» на ниве тележурналистики.

Во время съёмок разрушительных последствий сильнейшего Зайсанского землетрясения, у меня, как всегда, в самый неподходящий момент, закончились кассеты с плёнкой. Особенно не расстраиваясь, я их стал перезаряжать. И тут вдруг неожиданно появился медленнодвигающийся кортеж с членами правительственной комиссии, работу которой я, естественно, должен был запечатлеть. Что делать?! Осознавая важность столь исторического момента, я замахал руками и с криками «стоп-машина» бросился головному автомобилю наперерез. Эти мои действия, конечно же, были вопиющим нарушением протокола. Но всё обошлось. Из затормозившего вездехода иностранных кровей вышел Узакбай Караманов.

Отодвинув своих «секьюрити», премьер-министр, улыбаясь, подошёл ко мне. И, представьте себе, около десяти минут (время, необходимое для перезарядки кассеты) вся чиновничья рать во главе со вторым лицом республики терпеливо ожидала «отмашки» провинциального «папарацци».

Ровно по похожему сценарию развивались события, связанные с визитом главы государства в нашу область. Случилось это на титано-магниевом комбинате во время ввода в строй нового производственного цикла. У меня снова закончилась плёнка и я, присев у самого выхода на тумбу, начал лихорадочно перезаряжать кассету. И буквально в этот же момент боковым зрением я увидел группу сотрудников комбината, выходящих из проёма цеха вместе с Нурсултаном Абишевичем, который обменивался репликами со своей дочерью Алией и директором комбината Багдадом Шаяхметовым. Как вы уже догадались, с протоколом у меня нелады и, ничтоже сумняшеся, даже не вынув руки из зарядного мешка (плёнка может засветиться), я вежливо попросил Президента не спешить с завершением встречи. Дескать, в отсутствие кадров заключительной части церемонии материал не будет полновесным, и Центральное телевидение не сможет пустить его в «прайм-тайм», так что большая часть жителей СНГ не узнает о столь важном событии. В подтверждение того случая у меня сохранилось фото, где я с камерой снимаю общение Лидера нации с народом, которое я опубликовал в книге «Седьмой континент». Добавлю, что смелости обратиться к лицу, занимающему столь высокий пост, мне прибавило ещё и то, что это был не первый контакт с Н. Назарбаевым. В 1989 году я уже брал у него интервью для программы «Время», когда он приехал в Усть-Каменогорск, чтобы лично разобраться в экологических и прочих проблемах региона, вызвавших несанкционированные многотысячные митинги горожан, и наметить возможные пути скорейшего их устранения.

Продолжая истории, связанные с «сильными мира сего», поведаю о своём совсем запредельном поведении. Был такой период, когда первые руководители области менялись, как перчатки. Назначались и, не поработав года, снимались. Кстати, активное участие в этом процессе принимали народные избранники и представители «четвёртой власти». Клеймили нерадивых руководителей только так. Полная свобода слова и разгул псевдодемократии. Особенно свирепствовали соборы центральных СМИ. Каждый из них находил незамедлительный отклик у властей. Помню, как ни за что, ни про что на страницах одной уважаемой газеты подвергся остракизму начальник Белогорского рудника. Достойного человека и опытного руководителя в качестве превентивной карательной меры изгнали из благоустроенного жилища вместе с семьёй... Так вот, по поводу моего, возможно, не совсем адекватного поведения. Во время очередного визита Н. Назарбаева в наши края я решил помочь Виталию Метте, только что назначенному руководителем области. Отсняв сюжет, я подошёл к Президенту, – в те времена это было ещё возможно! – беседовавшему с Метте, и, спросив, помнит ли он меня, на что Нурсултан Абишевич кивнул головой, посоветовал ему в шуточной форме не менять назначенца хотя бы лет пять, добавив, что я являюсь ни много ни мало гласом народа, чем вызвал смех у окружающих и широкую, одобрительную улыбку Ельбасы.

Так что, несмотря на все издержки однопартийной системы, всевозможные табу и бескомпромиссность коммунистической идеологии, можно с абсолютной уверенностью констатировать, что народное образование, культура и искусство в

Стране Советов были в фаворе, находясь на довольно высоком уровне. Помните известнейшие заветы вождя мирового пролетариата «Учиться, учиться и учиться» или «Из всех искусств для нас важнейшим является кино»?

Наконец случилось то, что случилось. Вполне себе процветающий союз вдруг (вопреки воле своих сограждан) начал распадаться на удельные суверенные государственные образования. Страна, изменив на сто восемьдесят градусов общественный строй, в одночасье потеряла статус мировой державы, а гордую аббревиатуру СССР пришлось заменить безликой СНГ.

Под впечатлением свершившего апокалипсиса я написал стихотворение «Родина предков», на которое композитор Эдуард Богушевский позже написал музыку. Песня эта вошла в фильм «Белые воды Берели», посвящённый известному казахскому писателю Оралхану Бокееву. Вот один из её куплетов.

Моё Беловодье, родные просторы,
Улыбка девчонки, цветы на снегу.
А вера моя, словно истина в споре,
Осталась одна на другом берегу.

Хотелось бы, очень хотелось, чтобы мы не уподоблялись Иванам, родства не помнящим, чтили в прагматичную эпоху рыночной экономики тот непреложный факт, что родители наши вышли из большевистской шинели, и ни в коем случае не забывали всё то лучшее, что когда-то дала нам, «совкам», «альма-матер».

* * *

Переходя к очередной главе, позволю себе напомнить о непреложной истине, суть которой заключается в том, что наша жизненная стезя пролегает не в космическом вакууме вселенской бездны и не в безлюдной пустыне...

Хочу поделиться воспоминаниями о встречах с людьми, чьи имена до сих пор на слуху. В их звёздной, неординарной жизни, отданной бескорыстному служению музам, много любопытного и поучительного.

Начну я свой монолог со взятых в качестве своего жизненного кредо постулатов Антуана де Сент-Экзюпери, который в своих литературных произведениях воспевал «человека как меру всех вещей» и был убеждён, что в мире нет ничего более прекрасного, чем радость человеческого общения. На мой взгляд, это абсолютная истина, аксиома, определяющая сам смысл существования человеческого социума, его краеугольный камень.

«Обыкновенный гений лицедейства» – так озаглавил я воспоминания о своём великом друге, Иннокентии Смоктуновском, написанные сразу же после его ухода.

Свой рассказ о самых ярких моментах общения с великим актёром начну с моего последнего визита, нанесённого мэтру в канун нового 1994 года. Поводов для этого было более чем достаточно. Я только что закончил сценарий игрового фильма «Последнее затмение» и решил показать его Иннокентию Михайловичу, в тайной надежде получить одобрение, а возможно, и согласие на посильное участие в реализации моих наполеоновских планов. Во всяком случае, монологи одного из главных героев будущей ленты, на роль которого я прочил Смоктуновского,

были написаны специально для него, с учетом специфической, присущей только ему манеры чтения.

Уже на подходе к знакомой старинной многоэтажке в районе Тверской я вдруг увидел Иннокентия Михайловича, выгуливающего во дворе собаку. Донельзя обрадовавшись столь неожиданному стечению обстоятельств, я шутиливо расклялся со своим давним другом и тут же вручил подарок – шерстяную шапочку, связанную моей женой специально для него. Затем было небольшое застолье. Во время распития настойки под названием «Ореховая», на этикетке которой он написал, что она полезна для диабетиков, он высказал фразу-пожелание о нашем скорейшем сотрудничестве, пролившую бальзам на мою мятущуюся душу, но сбыться ему, увы, было не суждено...

Ровно двадцать лет продолжалось моё общение с великим Актером. А начало нашему плодотворному сотрудничеству, перешедшему в дружбу, положил долгожданный звонок, который стал для меня и моего дальнейшего творчества чем-то вроде манны небесной. Дело в том, что во время консультативного просмотра на Шаболовке немого пилотного варианта кинотрилогии об озере Маркаколь члены приёмной комиссии Гостелерадиокомитета СССР, в целом одобрив монтаж и прочие составляющие будущей ленты, предложили для усиления художественного восприятия пригласить на озвучивание фильма ни много ни мало, а самого Смоктуновского! Народного артиста, лауреата Ленинской премии, экранный Гамлет которого, гениально воплощенный мастером, покорила сердца киноманов, проживающих не только «от Москвы до самых до окраин», но и далеко за пределами одной шестой части суши.

Да-а, ничего себе задачка для провинциального служителя муз, делающего первые шаги в большом кинематографе, подумал я про себя, но с чиновничьим ареопагом своими сомнениями, естественно, не поделился...

Поразмыслив на досуге, я решил: попытка не пытка и опять же – смелость города берёт... Городская справочная, по вполне понятным причинам, домашний телефон небожителя мне не дала. Как и где искать встречи со Смоктуновским, было не очень понятно. Тогда меня осенило, и я позвонил администратору Малого театра, в труппе которого числился Смоктуновский. И опять неудача. Как назло, было время летних каникул. Но в утешение мне было сказано, что актёры иногда в театр позванивают, интересуясь новостями. Тогда, обрисовав в красках необходимость моего контакта с Иннокентием Михайловичем, я попросил записать мои координаты. И стал ждать, авось повезёт.

С гостиницами в первопрестольный, как всегда, был напряг, но мне удалось снять номер в престижной гостинице Совета экономической взаимопомощи «Мир», примыкающей к его многоэтажному офисному зданию из стекла и бетона в форме трилистника.

Это были годы расцвета стран народной демократии, и во взаимодействии Советского Союза с ними СЭВ играл ключевую роль. Так что «взаимопомощь» была на самом высоком уровне, а гостиничный буфет со столовой для сэвовских клерков ломались от всевозможных блюд национальных кухонь, редких марочных вин и деликатесов... Я до сих пор в качестве сувенира храню ложку с выбитой «сэвовской» символикой, подаренную метрдротелем. Кстати, при мне в ресторане гостиницы справляли роскошную свадьбу чемпионы мира по фигурному катанию Роднина и Зайцев.

Шикарные апартаменты «Мира» были излюбленным местом проживания представителей театральной элиты, – того же Смоктуновского в его ленинградско-товстоноговский период, – и другой серьёзной командировочной публики. Возможно, это обстоятельство сыграло роль моей визитной карточки, и очень скоро в номере раздался телефонный звонок, с которого началась эпоха ренессанса в моей творческой биографии. Тогда в соавторстве с Иннокентием Смоктуновским мной было снято четыре лауреатских (в прямом смысле этого слова) фильма и, что не менее ценно, я стал вхож в семью довольно закрытого не только для прессы, но и для своих коллег человека.

Напрочь лишенный честолюбия, в отличие от большинства своих собратьев по цеху, очень скромный, совершенно не публичный, он чурался всевозможных тусовок столичного бомонда. Старался по возможности не принимать участия в дежурных общественных мероприятиях и от политики был далёк, хотя близко к сердцу принял военный переворот в Чили и гибель Сальвадора Альенде, которого знал лично. Лишь однажды, в дни крушения Страны Советов, он «засветился» в многотысячном протестном митинге около американского посольства.

Я многому научился, работая с большим мастером. Магия слова, произнесённого им, была потрясающей. Несмотря на свои высокие звания, свой всеми признанный талант, Смоктуновский был весьма щепетилен во всём, что касалось творчества. Во время работы с текстом даже небольшого фильма (причём документального) он делал до пяти дублей, вживаясь в него, филиграня и оттачивая каждую фразу.

Иннокентий Михайлович, знавший жизнь с изнанки, во всех её ипостасях – в 16 лет ушёл на фронт, попал в плен, бежал, и вновь передовая, медаль «За отвагу», трудный путь к признанию, – хорошо понимал, почём фунт лиха, однако не ожесточился, не замкнулся в себе. Наоборот, принимая проблемы малознакомых людей, по той или иной причине оказавшихся на его пути, как собственные, старался в силу своих возможностей помочь и способствовал их разрешению, помогал твёрдо встать на ноги начинающим актёрам и режиссёрам вроде меня. Помнится, однажды он посоветовал мне попробовать снять с одной точки смену времён года. Между прочим, благодаря его рекомендации, в толстом литературном журнале впервые был опубликован Анатолий Ким, ныне известный писатель.

Человек широкой души, он, как магнит, притягивал к себе творческий люд, хотя встречались среди его коллег и такие, кто считал его гордецом и даже мизантропом. Но я-то знаю, что это не так. На мой взгляд, тематика моих кинематографических потуг, связанных с природой Алтая, была ему близка. Однажды он даже признался, что я чем-то напоминаю его самого в юности. А в одном из выпусков передачи «Документальный экран» на центральном телевидении, делаясь деталями своего творческого участия в делах хроникёров и перечисляя фильмы и имена, в числе других назвал и меня, охарактеризовав как человека философского склада ума, такого Есенина от кино, снявшего, несмотря на забубённость и молодость, серию талантливых лент об уникальнейшей природе Восточного Казахстана. На что ведущий Д. Луньков не преминул бросить реплику: это, мол, было довольно давно, и автор теперь уже не той первой свежести. «Ну и что, – отвечивал гений. – Реликтовые леса на Рудном Алтае беспощадно вырубаются, реки мелеют на глазах, воды струятся уже не среди кисельных берегов и далеко не молочные. Плохо обстоит дело с флорой и фауной. Многие их виды постепенно переходят

в разряд краснокнижных, а то и вовсе исчезают. Но наиболее тревожно то, что содержание ПДК вредных веществ в почве и в воздухе зашкаливает, и вообще на территории “четвёртого угла Ойкумены” сложилась взрывоопасная экологическая обстановка».

Я хорошо помню тот момент, донельзя растрогавший меня, когда после завершающей записи дикторского текста к фильму «Озеро студёное, ласковое» Смоктуновский предложил мне отметить сей знаменательный факт с ним. Он позвонил домой и, переговорив с женой, сказал, что всё о’кей, стол накрыт, и Суламифь Михайловна с нетерпением ждёт нас.

До сих пор не могу понять, в связи с чем Иннокентий Михайлович, представляя мне свою половину, сказал тогда: «Это, Толя, Соломка, моя жена, извини, она – еврейка». Я вроде повода не давал, и в антисемитизме, тем паче шовинизме, замечен не был. Для меня национальная принадлежность человека не играет никакой роли. К сведению арийцев, в жилах Иннокентия Михайловича циркулировала кровь польского шляхтича и русской простолюдинки из Сибири. Так что в доме Смоктуновских чтит религиозные традиции каждого, и мацу (Соломка испекла её на Песах) я впервые отведал у них.

Суламифь для Кеши (как она ласково называла Иннокентия Михайловича) была больше чем жена. Она была воистину его ангелом-хранителем. Ей удалось разглядеть в бездомном, безвестном провинциальном актёре, полном амбиций, долгое время скитавшемся по Москве в поисках работы, зачатки большого таланта и незамутнённую мятущуюся душу. Поначалу, из чувства сострадания, она пригрела его, а затем и полюбила. Будучи ведущим художником-оформителем старейшего столичного театра, Суламифь Михайловна сумела убедить администрацию в неординарных актёрских способностях Смоктуновского. Успешно пройдя соответствующий кастинг-аттестацию, он был принят с испытательным сроком в основной состав труппы и сразу же получил роль, правда, пока небольшую, проходную. Так на престижных театральных подмостках, а чуть позже и на съёмочных площадках главных киностудий страны, началась блистательная карьера гения лицедейства.

Надо сказать, что талант Смоктуновского был многогранен. Он отлично водил собственную «Волгу», приобрести которую простому смертному в те времена было большой проблемой. Пришлось даже идти на поклон к самому директору Горьковского автозавода. В короткие сроки он научился самостоятельно устранять в ней мелкие технические неисправности и отчасти даже усовершенствовал её. Помогла практичная жилка сибиряка. Однажды в углу прихожей я увидел головку блока цилиндров. Заметив мое удивление, мэтр пояснил, что решил отдать её в автомастерскую на расточку, чтобы переделать двигатель под дизельное топливо, поскольку солярка в те благословенные времена стоила в два раза дешевле бензина.

Помимо прочего, Иннокентий Михайлович прекрасно владел пером. Его правка текстов к моим фильмам вызывала восхищение. А его книга «Время добрых надежд» буквально сразу стала раритетом. В ней Смоктуновский образно описывает свое нелегкое, полное подводных камней житие, откровенно, невзирая на лица, делится собственным пониманием миропорядка, своими неординарными взглядами по поводу происходящего не только в Советском государстве и на планете Земля, но и за её пределами. Особенно мне запомнился диалог Иннокентия Смоктуновского с иностранным журналистом, приведённый в одной из глав, когда на провокаци-

онный вопрос, какое, мол, на его взгляд лицедея, самое значимое событие второго тысячелетия, он неожиданно ответил: «Высадка американцев на Луну»...

Каждый раз, приезжая в Москву, я в первую очередь старался навестить Иннокентия Михайловича. Однажды даже пришёл вместе со своей малолетней дочерью Аней. Она неплохо танцевала, и я повёз её в Москву, чтобы показать лично самой Головкиной – директору балетного училища при Большом театре. Приняты мы были в доме Смоктуновских, как всегда, по высшему разряду и даже более. Анне Анатольевне по завершении приёма преподнесли шикарную двцветную куртку, которую хозяин привёз из Испании для своей дочери, но с её согласия решил презентовать моей юной леди. А вот в другой мой визит, когда я хотел поздравить своего доброго друга с присвоением ему звания Героя Соцтруда, встретиться с ним, к сожалению, не удалось. Прождав около часа новоиспеченного кавалера высшей награды страны в обществе Суламифи Михайловны и их дочери Маши и выпив энное количество чая, я собирался уже откланяться, как вдруг раздался телефонный звонок. Смоктуновский сообщил, что в данный момент он находится в гараже в обществе болтов и гаек, испытывая жесточайшее сопротивление материалов, что, не рассчитав свои силы, попал в цейтнот, а потому просит извинить за то, что не сможет в этот раз со мной повидаться. Тогда на прощанье я попросил Соломку показать мне героическую медаль мужа, которую её владелец обещался в моём присутствии искупать, как полагается, в стакане водки.

В последний раз я навестил семью моего большого друга уже после его скоропостижного ухода – волею судьбы он какие-то месяцы не дожил до своего семидесятилетия. Помянув Иннокентия Михайловича, я ещё раз выразил искренние соболезнования и начал прощаться. И тут в память о своём отце Маша вручила мне уникальный диск с записью голоса Смоктуновского, где он проникновенно, в неповторимой, присущей только ему манере читает библейскую Книгу Иова. Щедрый жест самой любимой женщины гения был весьма символичен, и впоследствии этот бесценный подарок сыграл в моем творчестве большую роль. Работая над сложнейшей теологической лентой «Зажженный Богом свет», в которой была предпринята попытка найти точки соприкосновения двух мировых религий, Ислама и Православия, и доказать их духовную общность, я неоднократно обращался к этой уникальнейшей записи, а фрагменты ее использовал при монтаже. Она, безусловно, усилила художественную ценность видеофильма, его адекватное восприятие. Ну, а самое главное то, что я еще более утвердился в непреложности истины, которая гласит, что талантливые, непреходящие произведения искусства бессмертны, как и их творцы, и что имя Иннокентия Михайловича Смоктуновского, нашего выдающегося современника и моего друга, будет жить в веках.

Другой важной вехой в моей биографии стало знакомство с Олжасом Сулейменовым, переросшее затем в многолетнюю дружбу.

Шёл 1974 год. Я только что презентовал в республиканском Доме кино свежеспечённый фильм «Озеро студёное, ласковое» и мы вместе с Булатом Габитовым-Джансугуровым, главным редактором студии «Казахтелефильм», поднимаясь по винтовой лестнице в кафе на втором этаже, лоб в лоб столкнулись с автором знаменитой поэмы «Земля, поклонись Человеку». Обменявшись приветствиями (они с Олжасом были сокурсниками по Литинституту), Булат тут же представил меня кумиру молодёжи. Много в творчестве поэта, его взглядах на действитель-

ность, гражданской позиции, и даже его увлеченность шахматами, оказалось созвучно моей душе, что и сблизило нас. Человек неординарный, наделенный талантом в самых разных сферах людской деятельности, он был и остается весьма востребованным как общественными, так и государственными институтами. Председатель Союза писателей Казахстана и по совместительству Председатель Алма-Атинской шахматной ассоциации, Секретарь Союза кинематографистов РК и лидер антиядерного движения «Невада», министр кинематографии республики и депутат Верховного Совета СССР, Олжас Омарович завершил «государеву службу» в ранге Полномочного посла Казахстана в ЮНЕСКО, но общественную работу не оставил. Ныне, являясь Президентом частного фонда «Культура», он опекает казахстанских деятелей искусства и постоянно в качестве Посла доброй воли ездит по городам и весям СНГ и странам дальнего зарубежья.

Невероятная харизма Олжаса, его ораторский талант привлекали к нему и левых, и правых, являлись объединяющим началом в противостоянии всевозможных партий и общественных структур. Достаточно вспомнить его слова, произнесенные на съезде депутатов Верховного Совета, которые ушли в народ и стали крылатыми, типа «Не надо раскачивать нашу лодку» или «Чтение – это мускулирование мозгов». И, конечно же, ещё и ещё много чего неординарного из области прикладной философии и неиссякаемого кладезя народной мудрости, интерпретированного и зачастую облеченного поэтом в ярчайшие ямбы и хорей.

За почти полувековое общение со своим учителем и другом мне посчастливилось быть свидетелем многих событий, в том числе и эпохальных. Запомнился Всесоюзный съезд кинематографистов и яркая речь О. Сулейменова, в которой он обрушился на бесцеремонное обращение ремесленников от кино к экранизациям классики и потребовал от них немедленно прекратить «отстреливать» литературные шедевры. Этой пылкой своей филиппикой Олжас нашёл понимание и серьёзную поддержку среди мастеров большого кинематографа. Доказательством тому стал шикарный приём, устроенный для нашей делегации Татьяной Лиозновой в ресторане московского Дома кино. Кульминацией его стала эскапада Александра Абдулова и Леонида Куравлева, которые под звуки торжественного марша внесли огромный поднос с целой батареей бутылок «Советского шампанского».

Бывая заездами в Первопрестольной, я обязательно находил время навестить своего учителя и друга. Как полномочному представителю Казахстана в Верховном Совете СССР, ему для проживания и приёма граждан были предоставлены апартаменты в гостинице «Москва». Однажды, в начале мая 1990 года, я принял участие в мальчишнике, на котором собрались весьма уважаемые и известные люди. Помимо всего прочего обсуждали и вояж Ельцина к одной из своих пассий, когда он без предупреждения решил её навестить и получил по шеем от её молодого любовника, но свои синяки на фейсе будущий президент объяснил происками комитетчиков. Когда все разошлись, я тоже засобирался, и тут вдруг раздался звонок. Из отдельных реплик я понял, что на проводе Кунаев. Случилась личная трагедия, и Динмухамед Ахмедович своим горем поделился с Олжасом.

Перед тем как распрощаться, мы вышли на лоджию. Внизу, двигаясь маршем на Красную площадь, грохотали танки. Шла репетиция военного парада, и Сулейменов неожиданно изрек провидческую фразу: «Когда-нибудь вот так, воспользовавшись похожей ситуацией, какой-нибудь негодяй вполне может совершить государственный переворот».

Много с той поры утекло воды. Вместо железного занавеса появился золотой. Олжас в основном пребывает в дальнем зарубежье, и встречаемся мы с ним теперь во время его редких визитов в наши благословенные края, где он набирается сил и заряжается энергией Вселенной в предгорьях Южного Алтая, неподалёку от сакральной горы Белухи с её островерхими вершинами, которые являются пупом Земли и, по одной из гипотез, приёмо-передатчиком, осуществляющим связь между Зелёной планетой и Космосом. Эту необычайную особенность царицы Горного Алтая когда-то испытал на себе известный художник, путешественник и писатель Николай Рерих.

«Белуха является инструментом для общения вне границ человеческого разума, Духовного разума с человеком, животным, природой... – писал он. – Здесь остро ощущаешь неразрывность и единство прошлого, настоящего и будущего. За легендой как бы неземного мира стоит реальность, непосредственно имеющая отношение к Космической эволюции, в основе которой стоит вечный закон, что, отдавая, мы получаем...»

Выбранная мною стезя тележурналиста, по своей сути, требовала постоянного общения с широким кругом представителей самых различных социальных групп и профессий, вероисповеданий и мировоззрений. Такая вот беспокойная, я бы даже сказал, развесёлая жизнь способствовала не только профессиональному росту, но и духовному самосовершенствованию, а разовые, рабочие встречи нередко переходили в долгоиграющие товарищеские отношения.

Эпистолярный жанр ныне вышел из моды, но я до сих пор (более полувека) переписываюсь с Сергеем Смородкиным, российским писателем, знакомство с которым произошло во время его тура по нашему краю. В то время он был собкором «Пионерской правды», и мы на «чистокровных ахалтекинцах» гарцевали по альпийским лугам и таёжным распадкам Южного Алтая. Каждое письмо моего сотоварища по журналистскому цеху, почти всегда сдобренное тонким юмором, представляло сгусток неординарных мыслей и мировоззренческих взглядов. Они для меня подобны глотку той самой кристально-чистой, родниковой воды, бьющей из недр земли, которой мы, тогда ещё совсем молодые, находящиеся в начале многотрудного пути, упивались, путешествуя по золотым горам Седьмого континента. Нет, это не оговорка – уникальная природа и рекордное количество ландшафтных зон дали повод учёным назвать Восточный Казахстан, или Рудный Алтай, несуществующим материком...

* * *

Свойство памяти избирательно. Что-то она рассовывает по своим потаённым уголкам, что-то, посчитав ненужным хламом, стирает. Время неумолимо, и, боясь, что клеточки серого вещества вдруг взбрыкнутся и отправят в корзину весьма «пикантные» моменты из моей многотрудной биографии, я решил, пока не поздно, пройти по их сусекам, в которых можно обнаружить много прелюбопытного и достойного внимания искушенного читателя.

